

Мне также хотелось бы отметить эту, содержащую сторону от вопроса о чисто театральном мастерстве. В теологическом плане Додин и так на вершине признания, я могу только присоединиться к популяристическим оценкам: это творчество перед нами виртуозная группа. И люди! Великолепная гласистка, достойный вокал, весьма приличное музцирование — впрочем, можно просто за гранью воображаемого. Но о том, что за гранью, чуть позже. А пока — с мыслями и чувствами по поводу театрального действия.

антиленинской теме, и ладно. Наверное, ему без этого нельзя.

Однако по трем словесно-предметным лейтмотивам позволить высказаться.

Итак, матюги. С тех пор, как эти речения из запретных перешли в модные, они потеряли эффективность вызова. Осталось только ощущение грязи. Не то, что пропустишь из ушей, но как-то вяло фиксируешь: на что-то претендуют.

То же — и с экскрементами, демонстрируемыми на сцене: вроде как претензия... не пойму даже, на что. Но я как бы должен "вскинуться". И мне неловко от того, что я не "вскидываюсь". А не "вскидываюсь" — потому что нечистот слишком много.

В сексе, между прочим, тоже прежде всего колликативный перебор. Возможно, во мне сказывается пуританская атмосфера сталинского времени, а какое я происроус (хотя ни "туританская", ни "волично-эротическая" атмосферы сами по себе ни хорошие, ни плохие, решают — личность, в них дышащая). Так вот: для меня существенно то, что Пастернак назвал тайной обнажения. Тело — сокровенно. Солевание покровов — сильнейший удар по чувствам. Интимная близость — это откровение природы в духе, и мне, зрительно (читателю, слушателю), если уж по со-

кое это не "исполнение релеев", это — демонстрация красоты, ловкости, грации, пораженной нет, не болезнью, а какой-то отчаянной жаждо продемонстрировать болезнь, будучи зверски здоровым. Ойстрак поет про Ойстрак!

[illegible]

В основе коктейля — тексты Сорокина и Ерофеева (Венедикта) с добавкой буковских комбатантов: Улицкой и Харитонюка. Но определять, где чье, бессмысленно, потому что это именно коктейль, где все изобилует, и фракции неощутимы. Вы легко сможете из божьего в бешовское и обратно. Это спользование пьянит и ре-

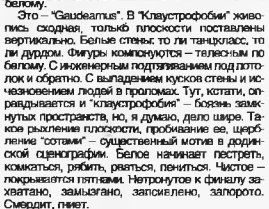
рок" пятнадцатилетней давности заклинания вроде того, как помочь свободолюбивым арабам справиться с израильской военщиной.

Я понимаю, что зацикл «брежневский эпос». Тот есть, пред нами армия, которая разлагается оттого, что не воеует. Но ведь вы эту разлагающуюся армию, показывая сейчас! Да истериче же так получились, что Россия, полувойну вышедшая из двух мировых войн, еще полвека спустя будет воевать с кем-то! Столетия «стопора»! А если не покончатся, то и «марш» будет! — слова божь, но плата за всеоружием бездариство тяжела. Это — драма народа. Войны в «Чоконе» бы увековечили. Он, конечно, думал высказать глупость, а высказал про нее: силу, но нешедшую выхода. И создал типичную, благодаря которой издевка над армией стала хороводом таном и легким юмором. Не издевка, а юмор! Но не армия, а предостережение в форме, а именно над армией — предостережение, а предостережение милитаризм и подлым.

С таким вот багажом интеллигенция и пошла год назад осмыслять ту же Чечню и все решало то, ли армия плоха оттого, что воюет, то ли оттого, что безуспешно воюет. Кто спорт, война — принципиально — нихоршее дело, но если она — война идет, лучше не лезть к солдату под руку, тем более с тоном. Нам ведь и "Афган" понемногу был — вроде экзотичней в далекой стране. Хотите, чтобы под Серпухов пришло? Так Чечня — как раз на подходе.

В контексте Чечни додинский спектакль "не смотрится". Опоздал на целую эпоху. Повесть Калабина, по которой "Gaudeamus" поставлен, так не воспринималась, потому что действи-

Лев АННИНСКИЙ

“Словесно предметный ряд” работает как бы в контрапункт пластики. Тут три лейтмотива. Во-первых, мат. Во-вторых, низ, то есть кал и моча. И в-третьих — саж, то есть прикародное сокоуление. Все три мотива должны подкрепить ощущение аполонического поменяательства, о котором изысканный питерский театр хочет возродить *сроду и мату*.

[illegible]

Но когда на моих глазах разоблачается весь женский состав трупы, — я даже биологической красоты не успеваю ощутить — я думаю: а вдруг предельное чуждо, а влечение — ханжливое?

[illegible]

Мой сосед шепчет, заходясь от смеха:
Помилуй, еврейский дисконт? Шеренг про

— Помните еврейский анекдот: Циркач плю-
шет на канате, сальто делает и при этом на
скрипочке играет, а Хаимович кричит: знаете,
не Ойстрах.

Я не согласен. Знаете, Ойстрах! В этом сведении оценочной оценки виртуозности, красоты, идиоматизма, скотства и новизненности есть какая-то магия, не сводящаяся к чистой театральности. То есть, можно, конечно, отделить мастерство блестящего режиссера от "поддержания", черного или не "низкой" реальности, но это школярская логика. Нет, тут и впрямь надувана кукла, то новая связь добра зла, и потому так раня, злит и раздражает рисованные додские катормы. Пляска встык к балетом "Солнечная" действительности, которую разыгрывают молодые, полные сил, пылущие здоровьем актеры. Ника-

чит. Я понимаю, что болезнь — во всех. Значит, —
во мне. Близок катарсис. Но...

...одеревянивший от вояки мужик напяливает мундир прапорщика Советской Армии и продолжает безобразничать, так сказать, при мундире и от его имени.

Стоп, господа! Притормозимся.
Возвращаемся к началу 20-го века?

То есть, вы в чем видите порчу? В личности, сделавшей пусковой выбор, или в структуре, к которой приписана личность (разные сказали бы в среде, которая эту личность «заела»? Положили, тут не личность, конечно. Но индивид, в родниковом орнаменте инфантил, наделившая частичка и есть, собственно, переселение, и именно — переселение ОРНАМЕНТА: до личности тут не доходит. И не дойдет, потому что замысел не

Как потрясающей орнамент я это воспринимаю. Как бесовской копейки. Но структурно тут принцип? Архия как институт — принцип? Это же совсем из другой оперы: раз "представитель" отбывающего класса, значит, смердит. На место "отбывающего класса" можете поставить "представительную партию", разлагающуюся верхушку и так далее.

много грязи попало, но "Gaudemus" – весь построен на ненависти к армии. Именно к армии кантаковой. Сказано со сцены так: "На войне как на войне".

Так-таки каждый? И что, армия ВСЕГДА достойна такого отношения? И вы рискнете пойти с такими откровениями к солдатам, которые са-

Мой собеседник, наверное, отбрил бы:
— Что значит "к солдатам"? Солдат солдату
родень: искусство обращается к индивиду.

— Да! — отвечаю я. — К индивиду. Но в этом спектакле Додин уже не с индивидами взаимодействует, а с мундирами. Раз армия, значит, идиотам. Тысяч идиотов! Тысячу идиотов! Тысячу

"доктопы" вкопчивающиеся в головы тулук "чм-

тельно задела времена бездействовавшей армии. Недаром же Каледин сдвинул дело в "Стройбат". И потому: он писал это еще в эпоху запрета, он сквозь цензуру действительно прорывался — "Стройбат" был, кажется, последним текстом, который пытался локализовать советская цензура — там уж действительно было: на

Теперь цензуры никакой. Все можно. И идет на сцене развеселая гуляба с мордобоем. Морковная кровь по бутарфорскому снегу. А в реальности кровь — то уже настоящая. А кровь — это вам не кал и моча.

По "сценической метафорике" перед нами — зрелище тотального разложения жизни. Фатального и повального. Но я — тоже часть этой жизни и не могу не быть вразломаным.

На сцене лежат розовые шаржи, и солдаты с каменным satisfactionism толпчатся, делят и рвут их. Попадает розовое – симфоническим пятнами падает на затоптанном снегу. Белоснежный квадрат, табла раза, ожидающая мастера голотно – заполняется и делается похожей на личное мясо, на котором давили мух. Над этой живописью контрапунктом звучит музыка: сквез крил и крил пробиваются и плывет, заполнения: *Gaudemus igitur... Возвращаемся, пока молодцы!* Последняя фраза этой старинной студенческой песни незаметно влияет в меня и по срединной каппа яда: *Nos habebit humus.*

Я не хочу ни в гумус, ни чтобы меня втаптывали в дерьмо вместе с "армией", "партией", "классом" и любой другой "структурой", сооруженной повеяв личности.

Более всего я хочу — вырваться из-под власти "тумуса", страгнуть весь этот "прах", воспарить над проклятой "необходимостью" и свободно думать, писать, любить, жить...

Но чудесные эти плоды растут из того же "пупуса". Блистательная театральность Додина тому пример.

«Когда б вы знали, из какого сора...»
Смехом. Попробуйте, из какого сора...

Предлагая вашему вниманию статью Льва Аннинского "На войне как на войне", редакция напоминает, что в "ЭС" № 43 был опубликован материал Елены Алексеевой "Спасительная сцена шириной с цирковой канат" о театре Льва Додина, где эти же спектакли оценены с совершенно иной точки зрения.

● Сцены из спектаклей "Клаустрофобия", "Гаудеамус".
Фото В. ВАСИЛЬЕВА.